

Я. С. ЛУРЬЕ

Новонайденный рассказ о «стоянии на Угре»

Публикуемый ниже рассказ о походе последнего золотоордынского хана Ахмата в 1480 г. на русские земли и о последовавшем за этим «стоянии на Угре» содержится в составе рукописного сборника ГПБ, Кир.-Бел. 14/139, XVI в., 8.^о В составе сборника: Евангелие от Луки толковое, краткий летописец (лл. 330—337 об.), писания отцов церкви (Иоанна Златоуста и др.), «от книги франографа от Адама» (л. 345), «Слово святого Кирила притча вельми чудна» (л. 353), «Притча о единорозе вельми чудна» (л. 355 об.). Судя по ряду записей (лл. 2, 90, 348), переписчиком сборника был некий «Ефимей грешный».

Рассказ об Угре читается в заключительной части сборника (л. 354—354 об.); он является его предпоследней статьей. Лист, на котором помещен рассказ, явно попал при переплетении сборника не на место; в начале л. 354, перед интересующим нас текстом, читается конец известий некоего краткого летописца (первая строка отрезана при переплете): «ле ... 7000 ... Давыд был и дворьдкой. Того же лета Варлаама митрополита послал на Каменное...»; текст этот не имеет ничего общего с текстом предыдущего л. 353 об. (конец притчи Кирилла). По всей видимости, однако, перед нами — окончание того самого краткого летописца, который помещен в сборнике выше, на лл. 330—337 об. Известия этого летописца прерываются (л. 337 об.) на 20-х годах XVI в.; речь идет о десятилетнем (1511—1521) пребывании Варлаама на митрополии и о походе татар на Коломну, происходившем в 1521 (7029) г. А в отрывке летописца, помещенном на л. 354, говорится как раз о ссылке Варлаама в Каменный монастырь и поставлении на Вологде каменной церкви в [70]31 (1522/23) г.

Краткий летописец, к которому примыкает публикуемый нами рассказ об Угре, заканчивается, таким образом, началом XVI в. и, очевидно, относится к этому времени. Известия этого летописца, весьма лаконичные (начало: «Володимер крести [6]496...»), не дают возможности связать его с каким-либо из известных нам памятников летописания. Наиболее интересны известия о смерти старшего сына Ивана III Ивана Ивановича, о смерти и похоронах Софии Палеолог, о разделении уделов в 1504 г.¹ и о смерти самого Ивана III: «В лето 6998 (1490) преставися благоверны князь велик Иоан Иванович всяя Руси месяца марта 7; тогда князь велик

¹ Это сообщение заслуживает внимания. В известных до сих пор летописных сводах ничего не сообщается о распределении уделов между сыновьями Ивана III до его смерти в 1505 г. В подготовленном нами к печати неизданном кратком летописце XVI в. сообщается о распределении уделов под 7007 (1499) г. (одновременно с пожалованием Василия Ивановича Новгородом и Псковом), а об «отпуске» Юрия и Дмитрия Ивановича на уделы — под 7010 (1502) г. (ГПБ, Погод. 1612, л. 143—143 об.).

Иоан Васильевич, отецъ его велми плакал, и весь град Московсти, народ (л. 335 об.) ... В лето 7009-го преставися великая княгиня Софья римлянына Фомина дчи, великого деспота царя Амореиска, и князь велик Иоан Василь[евич] сам был на похоронех и своими детьми, а хоронил митрополит Симон со владыками Вознесении за правим крилосом (л. 336) ... В лето [70]14, семт[ября] 4 женился князь велик Василий Иоанавич, понял дщерь Юрия Сабурова именем Соломаниду, внука князя Василья Нуктева; митрополит Симон венчал их в церкви соборне во Пречистой, и отецъ его был тут, князь велик Иван Васильевич всея Руси. А сыну князю Юрью дал Дмитров, да Звенигород, да Бренск, а князю Дмитрею Угличь, а князю Семену Колугу да Бежской Верх, а князю Андрею Ржову да Старицу городок, а денег им велел дати по 10 тысяч. В лето 7014 преставися князь великы Иоан Васильевич самодержць всея Руси, месяца ок(тября) 26, и положиша его во Архангле у дед его и отецъ и родители и братия. И бысть по нем велик плач и рыдание на мнозе и вси народ московсти. Царствоваша 40 лет и бысть тишина велика при его царстве (лл. 336—337)».

Публикуемый рассказ об Угре помещен, как мы видим, не внутри летописца, под соответствующим годом, а вне его, по окончании всего текста. Может быть предложено два объяснения этого обстоятельства: либо рассказ этот самостоятельного происхождения и был приписан к летописцу случайно, либо он читался в протографе летописца (вероятно, не столь краткого, как дошедший до нас текст) под 6988 (1480) г., но был извлечен из него и помещен в конце ввиду какого-то особого интереса к нему. В пользу этого второго предположения говорит то обстоятельство, что в нынешнем его виде краткий летописец, в сущности, совсем не содержит рассказа о походе Ахмата в 1480 г. Вот как читаются здесь известия этого года: «Того же лета и братья великого князя отступиша, князь Ондрей и князь Борис к Люкам Великим. В (6)9[?]89 князь велик братию пожаловал, велел к себе быти. Тое же осени князь вел(ики) Иоан Иоанович и братья великого князя сташа на Угре (л. 334 об.)». Речь идет, как мы видим, о разрыве между Иваном III и его братьями, происшедшем до похода Ахмата (в публикуемом ниже рассказе это событие подразумевается как уже происшедшее: «по братью послал на Луки Великие»), а что происходило на Угре и зачем там «сташа» сын и братья Ивана III, не объясняется.

Публикуемый рассказ об Угре едва ли может рассматриваться как современный событиям 1480 г. Вероятнее всего он, как и помещенный вместе с ним краткий летописец, относится к первой половине XVI в. Однако рассказ этот представляет несомненный исторический интерес. Основным источником по истории событий 1480 г. является летописная повесть об Угре, читающаяся в большинстве сводов конца XV—начала XVI в. и направленная против «сребролюбцев богатых и брюхатых», убеждавших Ивана III не воевать с ханом. Уже А. А. Шахматов убедительно показал, что повесть эта, в наиболее полном и последовательном виде сохранившаяся в Типографской летописи, восходит к ростовскому владычному летописному своду, доведенному до 1484 г., и оттуда попала в Софийскую II—Львовскую и Воскресенскую летописи;² полное источниковедческое исследование этого памятника требовало бы еще сопоставления известия Типографской летописи со сходными в своей основе рассказами об Угре в Московском своде (Уваровском списке), Симеоновской летописи

² А. А. Шахматов. Обзорение русских летописных сводов XIV—XVI вв. М.—Л., 1938, стр. 295—296, 297, прим. 3.

и других сводах конца XV в.³ Однако большинство историков, занимавшихся «стоянием на Угре» 1480 г., не уделяло достаточного внимания источниковедческому исследованию этой повести: не ставя вопрос о ее литературной истории, исследователи объявляли повесть об Угре во всех ее редакциях «ненадежным и недостоверным источником»⁴ и видели в рассказе о колебаниях Ивана III под влиянием «богатых и брюхатых» враждебный вымысел.⁵ А между тем о выступлениях противников войны с ханом и о колебаниях Ивана III сообщает и другой источник — Послание на Угру архиепископа Вассиана Рыло: здесь также говорится про «духов же лстивых, шепчущих во ухо твоей державе еже предати Христово стадо»; Вассиан специально отвергает возможный аргумент своих противников: «Аще ли еще прешися и глаголеши, яко „под клятвою есмь от прародителей, еже не поднимати руки против царя, то како аз могу клятву разорить и спротив царя стати?“»⁶

Как и приведенные выше источники, новонайденный рассказ об Угре

³ Ср.: Я. С. Лурье. Из истории русского летописания конца XV века. — ТОДРА, т. XI. М.—Л., 1955, стр. 169—172. В недавно опубликованной статье о летописных повестях о нашествии Ахмата И. М. Кудрявцев приходит к заключению, что наиболее ранним текстом повести об Угре был рассказ Московского свода конца XV в. (ПСРЛ, т. XXV. М.—Л., 1949), откуда этот рассказ был заимствован ростовским владычным сводом — Типографской летописью [И. М. Кудрявцев. «Угорщина» в памятниках древнерусской литературы. (Летописные повести о нашествии Ахмата и их литературная история). — В кн.: Исследования и материалы по древнерусской литературе. М., 1961, стр. 26, 33]; утверждая, что «Ростовская летопись опиралась на Московский свод 1479 г.», И. М. Кудрявцев ссылается на исследование А. А. Шахматова «О так называемой Ростовской летописи» (там же, стр. 26, прим. 11, 12). Но это недоразумение. В исследовании А. А. Шахматова (ЧОИДР. М., 1904, кн. 5) речь идет о так называемой Ростовской летописи — летописной компиляции начала XVI в., действительно очень полно передающей великокняжеский свод 1479 г., но не имеющей ничего общего ни с Ростовом, ни с ростовским владычным сводом, отразившимся в Типографской летописи. Рассказ об Угре в Типографской летописи не мог восходить к великокняжескому своду 1479 г., ибо в этом своде, естественно, не было рассказа о событиях 1480—1481 гг. Едва ли также великокняжеский свод начала 90-х годов XV в. (ПСРЛ, т. XXV) мог повлиять на ростовский свод, доведенный до 1484 г. и сохранившийся в Типографской летописи.

⁴ Ср.: К. В. Базилевич. Внешняя политика Русского централизованного государства. М., 1952, стр. 134—147.

⁵ Так расценивал летописную повесть об Угре уже А. Е. Пресняков (Иван III на Угре. — Сборник статей, посвященных С. Ф. Платонову. СПб., 1911, стр. 280—286), не знавший текста Типографской летописи и видевший во всех вариантах повести различные виды компиляции противоречивых источников. И. М. Кудрявцев справедливо указывает, что «нет достаточных оснований» считать, будто эта повесть сложилась в кругах, враждебных Ивану III (И. М. Кудрявцев. «Угорщина» в памятниках древнерусской литературы, стр. 29), но его собственные предположения о литературной истории «Угорщины» в летописании, к сожалению, теряют убедительность, из-за того что автор совершенно не связывает их с историей летописных сводов, где читалась повесть об Угре. Так, слова «бысть же страх тогда на обонх, еднии других бояхуся», читающиеся в Типографской, Софийской II, Львовской, а также в Московском своде (Уваровский список) и многих других летописях (в том числе официально-великокняжеских), И. М. Кудрявцев считает «исправлением» текста, внесенным «в результате определенных отношений к Москве со стороны антимосковских группировок» (там же, стр. 32). Но когда же это «исправление» было сделано? Когда и как оно могло попасть в ростовский свод, доведенный до 1484 г., в Московский великокняжеский свод конца XV в. и в остальные летописи? Заключение рассказа об Угре, читающееся в Типографской, Софийской II, Львовской, Воскресенской и других летописях, И. М. Кудрявцев именует «приписками» к рассказу, относит их ко времени позже 1498 г., считая автором последней приписки дьяка Мисюря Мунехина (там же, стр. 56—60). Каким же образом эти «приписки» 1498—1502 гг. оказались в ростовском владычном своде, доведенном до 1484 г. (Типографская летопись), и в своде 1489 г., связанном с митрополитом Геронтием (Софийская II—Львовская летопись)? Пока нет ответов на эти вопросы, построение И. М. Кудрявцева не имеет под собой почвы.

⁶ ПСРЛ, IV, ч. 1, вып. 2. Л., 1925, стр. 518, 520. Ср.: ПСРЛ, т. VIII. СПб., 1859, стр. 208, 211.

говорит о нежелании Ивана III вести войну с Ахматом и также связывает это нежелание с «клятвой прародителей» Ивана III ханам; послание Вассиана только давало возможность восстановить этот аргумент на основании полемики против него ростовского архиепископа; публикуемый памятник излагает его в прямой форме, как слова самого Ивана III: «Князь велик рече: Под клятвую есмь прародителей не подымати рук на царя». Конечно, публикуемый памятник не может играть роли основного источника при исследовании «стояния на Угре» — он относительно поздний и явно уступает в ценности рассказу об Угре Типографской и других летописей и посланию Вассиана. Возможно даже, что ссылка Ивана III на «клятву прародителей» в этом рассказе была придумана автором под прямым влиянием послания ростовского архиепископа; в пользу этого говорит следующая далее ссылка на библейскую историю и борьбу Израиля с хананейским царем Адонивезоком (книга Судей, I, 1—7), также читающаяся (и в более развернутом виде) у Вассиана.⁷ Но публикуемый рассказ во всяком случае свидетельствует о том, что в литературной традиции первой половины XVI в. (даже не испытавшей влияния повести из ростовского владычного свода)⁸ твердо сохранялась память о спорах и колебаниях во время «стояния на Угре» 1480 г. и еще не сложился совершенно фантастический рассказ о дерзкой отваге Ивана III, появившийся впоследствии в «Казанской истории».⁹

Большой интерес представляет публикуемый памятник и с чисто литературной точки зрения. Не отходя от исторической традиции XV в., он, однако, сильно драматизировал события 1480 г., широко пользуясь прямой речью героев и внося в нее некоторые черты из устного народного творчества. Особенно ощущаются эти черты в речи матери Ивана III: «Ино любиш частые дани имати и крестьянство продаати, и сахар ясти, и сладкыя меды пити и вино, и потешатись (с) своими бояры! Государь князь великы, преж всех мне, матери, секи голову и моим боярыням, и в православное крестьянство, а не выдай нас на поругание татаром, а себе на укор!».

Все эти особенности, несомненно, дают основание для того, чтобы опубликовать до сих пор неизвестный рассказ об Угре из летописного памятника первой половины XVI в.

ТЕКСТ

В лето [69]88 (1480) царю Ахмату бесерменину пришедшу к реце Оке. Князь же великы молился о мире, он же оканны не послуша, хотя разорити крестьянство. Князь велик рече: «Под клятвую есмь прародителей не подымати рук на царя». И помяну Израиля землю обетования прием, 29 царств, и вселишась ту, и потом согрещиша ко господу, и господь предасть их; и востави богъ Июду от рода их, и изби Хананеа и поима царя их Адонивезока, и повеле отсещи рук и ноки ему; Адонивезок глагола: 70 царемь отсекох аз рук и нозе и повеле им по тряпезоу моею кормитись.

Тот же оканны Ахмат посла к велик князю со многими грозами, глагола: «Про что ты, княже, меня, царя в Орде, забыл, за многы лета

⁷ ПСРЛ, т. IV, ч. 1, вып. 2, стр. 522. Ср.: ПСРЛ, т. VIII, стр. 212.

⁸ Отметим, что о колебаниях Ивана III в 1480 г. говорят и Вологодско-Пермская летопись (ПСРЛ, XXVI, М., 1959, стр. 262—266, 273—274), и Устюжский летописный свод (Устюжский летописный свод. М.—Л., 1950, стр. 92—94), хотя никакой связи с рассказом Типографской летописи рассказы об Угре в этих летописях не имеют.

⁹ Казанская история. Подготовка текста, вступительная статья и примечания Г. Н. Моисевой. М.—Л., 1954, стр. 55—57.

выход ко мне от^а тебе не бывал, княземь моим и великим велможам^б и татаром подмогы нет, а мене царем не называеш, а ныне емлешь щит, а подымаеш копие? Яз хочю тебя привести под свою саблю, тако же как цари Казанские^в и от иных царей ведомо тебе, как отцу твоему || ^г. . . до бога вышняго». И слышав князь велик ту речь, устрашися и отступил к Москве. А сын его князь велик Иван стал крепко противу их ополчася. И пришед к великому князю Ивану Васильевичю митрополит, и мать его Марфа, и архиепископ, и князь Иван Юрьевич, и начаша глаголати от писанья: «Ино любиш частые дани имати и крестьяньство продаати, и сахар ясти, и сладкыя меды пити и вино и потешатись своими бояры. Государь князь великы, преж всех мне, матери, секи голову, и моим боярыням, и в православное крестьяньство, а не выдай нас на поругание татаром, а себе на укор!». И князь велик часа того послал к сыну стояти^д крепко, а по братью послал на Луки Великыя, аркучи: «Господине милая братья! Пришло ваше время». Они же наборзе приде, и татарии бегу ся яша. И радость велика князю великому и братьи, и мир до времени. И пошли на свои очины, распустиша их.

(ГПБ, Кур.-Бел. 14/139, л. 354—354 об.).

^а Окончание обрезано. ^б Окончание обрезано. ^в Середина слова обр-вана.
^г Первая строка обрезана. ^д Испр.; в ркл. сходят.